

*Автор выражает глубокую признательность
своему другу, ветерану боевых действий на Кавказе
Юрию Лапшину, беседы с которым послужили толчком
к написанию этого романа.*

Глава 1

1

— ...Да не дергайся ты! Все будет пучком, я отвечаю! — При внезапно наступившей тишине — в магнитофоне на стойке бара закончилась кассета — сказанное прозвучало громко и вызывающе. Слова будто легкие птицы разлетелись по помещению.

Говоривший — востроглазый, резкий, весь по-блатному «шарнирный» мужчина лет тридцати пяти, одетый в легкую летнюю рубашку и светлые брюки, — бросил быстрый взгляд на сидевших за соседними столиками. Как они? Слышали или нет разговор? И если да, то какова их реакция на сказанное?..

Никто из обосновавшихся поблизости не обратил на говорившего внимания. В этом небольшом баре такого рода высказывания были в порядке вещей. Место такое. Рынок... И контингент — соответствующий. Мелкие торгаши-розничники, обожающие, когда их называют коммерсантами, вдумчиво пьющие «грузцы», карманники, проститутки-клофелинщицы и прочая публика, без которой не обходится ни один вещевого китайско-киргизский рынок России.

Пользуясь кратковременным затишьем в «работе» — отсутствием клиентов, — посетители заходили сюда, в это полулегальное прирыночное заведение с не совсем понятным статусом: то ли кафе, то ли бар, то ли пельменная. Все достоинства забегаловки заключались в низ-

5

ких ценах, близости к «рабочему месту» и отсутствии таких нововведений, как стремительно распространявшиеся в городе фейсконтроль и дресс-код.

Зимой согревались горячим чаем или стопкой-другой паленой водки под зачерствелый пирожок или сизые магазинские пельмени. Летом баловались ледяными, специально охлаждаемыми в четырех огромных холодильниках заморскими пепси и кокой да пивком, многочисленные сорта которого были представлены здесь в широком ассортименте.

И, естественно, разговаривали. За жисть. А куда русскому человеку без разговоров-то?! Темы этих весьма содержательных бесед крутились в основном вокруг самого рынка, его постоянных обитателей и происходящих здесь событий. То тут, то там раздавались голоса:

— ...Ну а я, такая, этой кобыле говорю: ты че, блин, коза драная, совсем уже офуела?! Ты кому фуфло двигаешь?!..

— ...У Натахи «белого» сейчас нет, я звонил. Придется в Кутузовский, к цыганам. Дерьмо, конечно, бодяга, но вмазаться надо — кумарит...

— ...Я эту сумку — цоп! А тут киргизы! По-своему орут, в морду лезут, охрану зовут! Кое-как вырвался — всю кофту разорвали, твари узкоглазые...

Так что опасения остроглазого были беспочвенны — тут ни до кого никому не было дела. Деловые люди, у каждого — свои проблемы. Никто никому не стремится помогать — каждый умирает в одиночку. И на безобидную, в принципе, реплику внимания не обратили. Утонула она не в гомоне, но в шелесте слов, произнесенных хрипловатыми, вечно простуженными голосами.

— Ты не суетись под клиентом! — Успокоенный остроглазый интимно понизил голос и склонился над столом, приблизившись к собеседнику.

Кстати, в отличие от востроглазого, который прекрасно вписывался в интерьер заведения и внешне был похож на удачливого, «фартового» карманника из местных, его приятель был здесь явно чужаком.

Он был моложе приятеля, было ему около тридцати лет. Высокий, крепкий. Вроде бы крепкий. Именно так, по-другому не скажешь. И плечи широкие, и мускулатура имеется. Причем приличная. Но тело уже начинало заплывать жирком, деформироваться. Как у человека, серьезно, профессионально занимавшегося спортом, а потом резко прекратившего систематические тренировки.

Одет молодой человек был дорого и стильно. И одежда была куплена не в здешних торговых рядах, а в одном из многочисленных бутиков города. На пухлом пальце руки красовалась массивная, замысловатой формы «гайка», а из-под расстегнутого воротника белоснежной рубахи поблескивала толстая золотая цепь со здоровенным крестом, глядя на который в полной мере понимаешь смысл такой фразы, как «крест во все пузо».

Ну а если к перечисленному добавить влажно блестящие в полумраке золотые фиксы и пухлую кожаную борсетку, лежащую на столе возле локтя хозяина, получался законченный образ этакого удачливого братка из «новых», выжившего в войнах конца прошлого столетия, сумевшего сделать некоторые накопления и обзавестись кое-каким приносящим прибыль имуществом, а теперь от души пользующегося всеми благами сытой, обеспеченной жизни.

Вот только не было во взгляде молодого человека столь свойственной браткам, граничащей с наглостью уверенности в себе, в собственных силах. Более того, в этот момент он был чем-то напуган. Об этом говорило все: молодой человек сидел ссутулившись, втянув голову в плечи. Движения его были нервными, суетливыми.

Нездоровая бледность лица, затравленный взгляд. Крупные капли пота на полных щеках и на лбу, темные разводы на груди, спине и под мышками... Ничего удивительного в том, что востроглазый собеседник, используя весьма распространенное идиоматическое выражение, просил его не бояться, не было.

Браток, в свою очередь, зыркнул по сторонам, смахнул повисшую на подбородке тяжелую каплю пота и плаксивым тоном пробормотал, почти прохныкал:

— Ну да! Сначала — давай, давай! А потом... — Он понизил голос до громкого шепота: — Если что-то у тебя не так пройдет — мне конец! И умирать я буду ох как не просто! Бажен — он же, падла, изобретательный!

Молодой человек вздрогнул, поежился, будто его спины коснулось ледяное дыхание могилы.

— Ну, ты, старина, что-то уж совсем расслабился! — На лице востроглазого мелькнуло подобие улыбки. — Жути сам себе гонишь... Все просто, как морковка! О нашей с тобой договоренности знают только двое — ты и я. Так?

Браток стряхнул очередную каплю с подбородка и послушно кивнул, соглашаясь со сказанным. Да и трудно было не согласиться — вопрос специально был построен таким образом, что дать отрицательный ответ было невозможно. Несложный, но достаточно эффективный прием психологической обработки собеседника.

— Мне тебя палить Бажену не резон, — продолжал востроглазый. Сейчас голос его звучал особенно проникновенно и доверительно. — Мы с тобой ведь уже не первый год знакомы. И у тебя нет оснований упрекать меня или в неосторожности, или в связях с вашими... Ведь если бы это имело место, ты бы давно уже лежал, тихий и мирный, в каком-нибудь пригородном лесу...

В глазах братка на какой-то миг мелькнули страх и

недоверие. Он вздрогнул всем своим крупным телом. Но предпочел промолчать — просто отвернулся.

— Хотя, конечно... — На лице востроглазого возникло скорбное выражение. — Ты можешь «слить» меня Бажену сейчас. Дескать, копает, тварь, житья от него нет... Не исключено, что он меня достанет, а тебя поблагодарит за проявленную бдительность. Не исключено... Но ведь он меня не сразу грохнет.

При слове «грохнет» браток опять поежился.

— Да, не сразу, — размышлял вслух его собеседник. — У него ведь вопросы появятся. Кто, когда, кому... Ну, ты, думаю, понимаешь, о чем я. И он очень захочет получить ответы. А я, наверное, не смогу промолчать... Тем более что мне будут делать очень больно. Расскажу я все. И как ты думаешь, сколько после этого ты проживешь?..

Браток судорожно сглотнул слюну и, запинаясь, с мукой в глазах, пробормотал:

— Все, хорошо. Завязывай. Я все понял!

— Ты уж потерпи немного! — коротким плавным жестом остановил его востроглазый. — Надо нам до конца договорить, чтобы неясных моментов не осталось!

— Да чего уж тут неясного! — позволил себе огрызнуться браток. — Все разжевал...

— Не все... — ухмыльнулся востроглазый.

— А что еще?

— Тебе может в голову дурацкая мысль прийти — взять и самому меня завалить...

— Да че ты буровишь! — вроде бы как искренне возмутился браток. Но вот только глаза шкодливо спрятал.

— Может, — уверенным тоном констатировал востроглазый. — Так ты эти зехеры брось. Ни к чему это... Есть у меня людишки — не смогу же я один все проверить! А у них — конвертики. И если я безвременно уйду

из жизни в расцвете лет, они эти конвертики вскроют. А там все подробненько расписано. Сам понимаешь: «В моей смерти прошу винить...» Ферштейн?

— Понял... — угрюмо ответил браток.

— А я в этом и не сомневался! — широко и доброжелательно улыбнулся востроглазый. — Ты всегда отличался умом и сообразительностью, как та птица-говорун из мультика! Именно поэтому я на тебя внимание и обратил! Это кореша твои — быдло тупорогое! А ты... Ты — совсем другое дело! Так когда?

Последняя фраза была сказана жестким, деловитым тоном. Браток замялся, помрачнел еще больше и, вновь смахнув каплю пота, ответил:

— Пока еще не знаю. Но дня через два... Или три... Но не больше.

— Вот и договорились! — обрадовался востроглазый. — Тогда так: как только прорисуете нечто конкретное, ты мне позвонишь. Номер помнишь?

«Браток» кивнул.

— Ну а дальше уже мои дела. Хоп?

— Да. — Это короткое слово прозвучало подобно вороньему карканью.

Востроглазый откинулся на высокую резную спинку стула, кончиками пальцев оттолкнул от себя пластиковый пол-литровый стакан с пивом, к которому он так и не притронулся за время беседы.

— Вот так, — сказал удовлетворенно. — Вот и ладно. Тогда все. До связи.

Небрежно пожав влажную ладонь собеседника, востроглазый легко и изящно выскользнул из-за стола. Перед тем как направиться к выходу из кафе, он, слегка наклонившись к уху братка, прошептал многозначительно:

— И динамичность меня... Ну, типа: «Ой, как нехорошо

получилось! Прозевал, не успел...» Не советую. Мне это слишком нужно. Устал я в деревне. Хочу назад, в город.

Браток, оставшись в одиночестве, проводил взглядом ладную, подтянутую фигуру востроглазого, покачал головой, взялся за свой стакан с пивом. И даже к губам его поднес... Но тут же, видимо, что-то вспомнив, резко, расплескивая жидкий напиток, поставил стакан на стол и тоже сорвался с места. Получилось у него, правда, не так ловко, как у недавнего собеседника, — зацепился за угол хлипкого стола брюками, дернулся, ударился бедром... Что-то недовольно бормоча себе под нос, браток тяжеловесной рысцой бросился в ту сторону, куда мину-ту назад ушел востроглазый.

Его спину он увидел уже на небольшой парковке за зданием кафе. Востроглазый устраивался за рулем довольно приличной «Хонды Аккорд».

— Михалыч! — окликнул браток мужчину, не без оснований опасаясь, что сейчас его недавний собеседник уедет, а он так и не успеет спросить то, что хотел.

Но только рядом гомонил рынок, мимо парковочной площадки, рыча моторами, проносились автомобили... Востроглазый просто не слышал. И тогда, еще повысив голос, браток отчаянно выкрикнул:

— Карепин, мать твою!

На этот раз сработало — Михалыч вздрогнул, оглянулся и сделал несколько быстрых шагов навстречу братку.

— Ты чего блажишь, как потерпевший, Гоша? — злым свистящим шепотом поинтересовался он, вплотную приблизившись к братку. — Тебя кто-то за задницу укусил?

— Это, Михалыч, я тут спросить хотел... — Гоша невольно отступил на шаг.

— Спрашивай, — разрешил Карепин, стрельнув глазами по сторонам. — И быстро, Гоша, быстро!

— Это... Ну, типа... Тут такое дело... — мялся Гоша, не находя нужных слов.

— Рожай скорее! — поторопил его Карепин.

— Люди! — бухнул браток.

— Что — люди?!

— Ну, те люди... Которые там будут... Наши, типа...

— Скорее! — Михалыч проявлял нетерпение — только что не плясал на месте, оглядываясь по сторонам. Здесь, на открытой сотням глаз площадке он явно ощущал дискомфорт.

— Они не пострадают?

— А, вот ты о чем! — Подхватив Гошу под локоток, Карепин слегка потянул его на пару шагов в сторону, за один из автомобилей. — Ну-ну!

Оказавшись за этим импровизированным укрытием, востроглазый продолжил:

— Слушай, Гоша, сколько можно об одном и том же?! — Если сейчас он и улыбался, то эта улыбка в большей степени была похожа на оскал хищника. — Я же все тебе подробно объяснил — обычное изъятие крупной партии наркотиков! Ничего более! В самый нужный момент мы появляемся на сцене, крутим всем «ласты»... Героин будет у таджиков?..

Гоша кивнул в ответ.

— Значит, ваших... — последнее слово «шарнирный» произнес так, как сплюнул, с непередаваемым презрением, — мы отпустим. Им предъявить будет нечего. И чего ты ведешься, я не пойму!

— Ну а как ты на кичу пацанов загонишь? — тоскливо спросил Гоша.

Без особого напора — в принципе, он уже был сломлен и делал попытки сопротивления без надежды на ус-

пех. Так, для порядка. Чтобы не выглядеть совсем уже конченной шестеркой. Именно это больше всего и раздражало, просто бесило Карепина. Но он старался сдерживаться, не проявлять своего недовольства и раздражения — Гоша ему был по-настоящему нужен.

— На кичу, говоришь... — Оскал Михалыча стал еще более зловещим. Да и тон речи существенно изменился — теперь в его голосе ощутимо бряцал и металл. — А даже и на кичу! Что, впервой?! Или ты после пятого аборта хочешь целочкой остаться?! Так не получится! Запомни, сладенький мой, — кто не с нами, тот против нас! Еще вопросы?!

Гоша не успел ответить — внезапно сзади на его плечо опустилась чья-то тяжелая ладонь и хриплый голос рявкнул в самое ухо:

— Ага, попался!

Те, кто видел, как реагирует на неожиданно появившуюся собаку кошка, могут представить, что произошло в дальнейшем. Изменившийся в лице Гоша издал невнятный сдавленный возглас и подпрыгнул на месте. Для своей комплекции очень высоко и очень резко. При этом умудрился в прыжке развернуться на сто восемьдесят градусов и приземлился уже лицом к тому, кто неслышно подкрался сзади.

— Ты чего, Гоша?! — Неизвестный в растерянности отступил на шаг и недоумевающе уставился в белые, беззумные глаза братка. — Что стряслось?!

— А, это ты... — Во взгляде Гоши появилось осмысленное выражение, круглая физиономия начала вновь обретать краски. — Напугал...

— Чего это ты таким пугливым вдруг стал? — ухмыльнулся незнакомец, протягивая руку. — Ну, здорово, что ли?

— Привет. — Гоша вяло сунул сложенную лодочкой ладонь, которая утонула в широкой лапе незнакомца.

Вообще вновь прибывший выглядел внушительно. Почти как Гоша. Но если при взгляде на того само собой напрашивалось определение «бывший спортсмен», то новый персонаж был похож на спортсмена действующего. Борец или боксер, из тяжеловесов.

Широкие развернутые плечи, выпуклая грудь, рельефно очерченные мышцы. Атлетическое сложение Гошиного знакомого подчеркивалось белоснежной обтягивающей футболкой. Кстати, тоже не с рынка. Настоящая фирма. Как и джинсы.

Короткая спортивная стрижка, крепкий, квадратный, как на плакатах времен развитого социализма, подбородок. Узкая талия, длинные мощные ноги. И ростом при этом незнакомец был даже выше совсем не низкорослого Гоши.

Незнакомца можно было назвать привлекательным. Именно такие вот уверенные в себе здоровяки нравятся женщинам. И даже немного свернутый на сторону нос его не портил. Скорее добавлял облику незнакомца мужественности и шарма.

— Ты-то какими судьбами здесь? — поинтересовался атлет, отпуская ладонь брата.

— Да так... — Гоша прятал глаза — место действительно было не самым подходящим для прогулок. И разумного объяснения своему появлению здесь он не находил. — Дела...

— За шмотками китайскими приехал? На оптовку? — Добродушная улыбка атлета обнажила ровный ряд золотых зубов. — Решил, типа, коммерцию начать?

— Да нет... — Гоша не оценил шутку. Он в этот момент мучительно соображал, что бы такое убедительное придумать в свое оправдание. — Тут такое дело...

— Михалыч, — протягивая руку, шагнул вперед Карепин. Пришлось ему взять инициативу на себя. — Я дядя Гоши. Приехал из деревни, у меня там магазинчик небольшой... В городе редко, вот племяш и помогает за-тариться.

— Да, это мой дядя! — оживился браток. — Из деревни!

— Витек, — представился незнакомец, пожимая протянутую Карепиным ладонь. — А я и не знал, что у Гоши дядя есть...

— Ну, я всего лишь двоюродный дядя. — Михалыч улыбался, но глаза его оставались холодными. — И наши семьи никогда не были особо близкими.

— Понятно. — Витек был полностью удовлетворен объяснением. Да и не так уж сильно интересовала его история Гошиного семейства. А вопрос задал так, для поддержания разговора.

— А ты тут какими судьбами? — торопливо перевел разговор на другую тему Гоша.

— Да вот, у подруги с хозяином какие-то проблемы. Звонила. — Витек махнул рукой в сторону продовольственных рядов и пояснил Михалычу: — Можно сказать, у жены. Работает она тут... Надо заступиться.

— Может, помочь? — с готовностью предложил Гоша, заглядывая в глаза атлета. — Мало ли! А вдвоем...

— Не, я сам. С кем там разбираться?! Подумаешь, коммерс пузатый! Это мои дела. Я с ним просто побазарю... Но все равно спасибо! — Витек с чувством похлопал Гошу по плечу. — Ладно, пойду я, подруга ждет. Бывайте, пацаны!

Развернувшись, атлет направился в ту сторону, где гудел закручивающийся между торговых рядов и палаток водоворот из людских тел.

— Кто это? — вполголоса поинтересовался Карепин у Гоши.

— Витек, — ответил тот. Но, наткнувшись на жесткий и злой взгляд Михалыча, торопливо добавил: — Виктор Зимников. Зима. Это погоняло такое...

— Значит, Зима, говоришь? — Карепин, чуть прищурившись, смотрел в трапецевидную спину удаляющегося Витька. Тот шел красиво, легкой для такой комплекции и массы походкой, чем-то напоминающей походку танцора.

«Силен, наверное, в рукопашной, — почему-то подумал Карепин. — И лицо хорошее. Открытое... Нет этого тупого самодовольства бандитского».

— Тоже из ваших? — спросил Михалыч у Гоши, топтавшегося рядом. И уточнил: — Из баженовских?

— Ну да, — ответил Гоша, отирая пот с лица. — Конкретный пацан.

— Ладно, поехал я. — Карепин, не оглядываясь, направился к своей «Хонде».

Устроился за рулем, запустил двигатель. Но только трогаться с места не спешил. Думал о своем.

«Гоша — слизняк. Чмо конкретное. Непонятно, как он сумел подняться рядом с Баженом?! Тот же жесткий мужик, за ним трупов недоказанных по городу — помойка! И это мурло тошнотное рядом...»

Мимо «Хонды» не спеша прокатил темно-синий, почти черный джип «Лендкрузер». На секунду мелькнуло за лобовым стеклом потерянное, оплывшее круглое лицо Гоши. Глаза пустые, осоловелые. Карепина даже передернуло от омерзения.

«Урод! — опять подумал он о недавнем собеседнике. — Своими руками бы задавил! Но... Кроме него, работать не с кем...»

Сокрушенно покачав головой, Карепин включил передачу. Послушная «Хонда», покинув ряд припаркованных авто, покатила в сторону от рынка...

2

Разговора не получилось. С первых же слов все пошло не так, как хотелось бы Зиме.

Коммерс оказался толстым здоровенным дядькой лет за сорок. Бейсболка, маечка, шорты... Все чистенькое, кипенно-белое, аж глаз режет. И тут же контраст — смуглая кожа, темные очки, темные густые волосы торчат из-под кепки, из выреза майки, курчавятся по колонноподобным ногам, кустятся под горбатым носом.

Сложив руки на груди, точнее, на большом, выпуклом животе, опершись спиной на дверь контейнера, дядька сквозь очки мрачно пялился на плотно обтянутую джинсами задницу суetyящейся у дощатого самодельного прилавка Ленки, отвешивающей бананы какой-то замотанной потной тетке.

Лицо подруги, его выражение, очень Зиме не понравилось. Какая-то затравленность в глазах, испуг. Голова в облаке ярко-рыжих кудряшек втянута в плечи... Со всем уж запугал ее этот урод.

— Здорово, Ленка. — Зима небрежно подвинул тетку плечом. Та отлетела на пару шагов, вскинулась было, чтобы отлаять нахала, выплеснуть на него все то раздражение, что накопилось за многочасовое хождение по жару. Но, рассмотрев как следует Витька, оценив его сложение, цепь на крепкой шее, борсетку под мышкой, сочла за благо промолчать.

— Здравствуй, Витя. — Ленка еще глубже втянула голову в плечи и произвольно бросила косой взгляд через плечо в сторону хозяина.

«Ах ты, сука!» Зима почувствовал, как у него начинается закипать злоба.

— Это он? — коротко кивнул он на толстяка.

— Да. — Ленка опустила глаза.

— Как зовут?

— Мамед.

В это время покупательница, на которую не обращали внимания, все же не выдержала:

— Девушка, мне долго еще ждать?! — Она в любую минуту готова была сорваться на крик, закатить скандал. — Вы здесь работаете или шуры-муры разводите?!

Наверное, в другое время разбитная, шустрая и бойкая на язык Ленка нашла бы что ей ответить. Но сейчас промолчала. Только торопливо зашелестела полиэтиленом в ящике с бананами.

Зато не промолчал хозяин. Встрепенулся, выпрямился, прикрикнул:

— Ай, Лена, савсэм работат не хочишь, да?! Быстра дэвюшка абслужи! — и после короткой паузы бросил небрежно: — Бляд...

Вообще-то больше тянуть не было смысла. Оборзевший до предела, обожравшийся в России «черт». Таких на каждом рынке полным-полно. И разговаривать Зиме с ним не о чем. Но вот Ленка...

— Слышь, Мамед! — Зима начал огибать дощатый прилавок, чувствуя, как мелкой дрожью начинает потряхивать руки, как неприятно холодеет где-то внизу живота. Обычное состояние перед сшибкой. Но пока что драться он не собирался. Сдерживался, пусть и из последних сил.

Толстяк, воспринявший движение Виктора как покушение на его суверенную территорию, довольно шустро бросился навстречу, загородил проход, напирая пузом:

— Чиво нада?! Чиво хочишь?! Куда лэзишь?!

— Слышь, толстый. — Зима не обращал внимания на вопросы торговца. Он уже их просто не слышал. — Что там за дела с Ленкой? Какие долги?! Какая сауна?!

Мамед, все же выдавив животом Виктора за пределы своего торгового места, остановился. Немного успокоился, смерил спортсмена слегка презрительным взглядом, почти спокойным тоном спросил:

— Твой какой дэла? Лэна — мой прадавэц. Я — хазин. А ты кто такой?

— Я — просто пацан... — начал Зима, но Мамед, даже без тени страха или почтения, что обычно испытывают приезжие торговцы к местным пацанам, его перебил.

— Мой «крыша» — Натик, — сообщил толстяк. — Рынок — его. С ним гавары.

— А я с тобой побазарить хочу! — Глаза Зиме застилала красная пелена, он уже почти не контролировал себя.

— Базар балшой. Иды базарь, — сострил Мамед и гулко захохотал. Но тут же успокоился и, повернувшись к Ленке, окликнул ее: — Лэна!

— Что, Мамед? — развернулась продавщица.

— Дэнга завтра отдашь. Всю, никакой разговор больше нэ будэт.

— Но, Мамед... — Девушка переводила умоляющий взгляд с хозяина на Виктора.

— Ай, Лэна! — позволил себе торговец повесить голос. — Иды, абъедки кушай, да!

— Ах ты, тварь тупорылая! — Зима отшвырнул в сторону борсетку.

— Кто тупорыло?! — возмутился Мамед. — Ты сам — тупорыло! — И крикнул куда-то за плечо Зимы: — Рафик, Зейнал! Ребята завые! Тут какой-то чимо наехаит!

Кажется, он хотел крикнуть и еще что-то. Может,

даже оскорбительное в адрес продавщицы или самого Зимы. Но вот только Виктор такой возможности ему не дал. Больше сдерживать себя Зима не мог. Да и не хотел. Вся злоба, что копилась у него внутри, вдруг выплеснулась через край.

Раз! Он коротко и резко ткнул фалангой согнутого и выдвинутого вперед среднего пальца точно в солнечное сплетение толстяка. Тут уж ни пресс, ни брюхо, каким бы огромным оно ни было, не помогут.

Два! Точный, отработанный удар ребром стопы в голень — очень, кстати, болезненный — заставил уже складывающегося пополам Мамеда взвизгнуть.

Три! Мощный прямой удар кулаком в сытую толстую рожу завершил серию ударов.

Хрустнули очки, брызнула кровь. Вообще-то Мамеду хватило бы только одного, первого удара. Как боец он совершенно ничего собой не представлял. Вот только Зима, начав драться, уже просто не мог остановиться. Работал жестко, как на макиваре в спортзале, продолжая выполнять отработанные на многочисленных тренировках связки.

Еще один удар, коленом в корпус, отшвырнул почти бессознательного Мамеда в глубину его контейнера, на мешки то ли с луком, то ли с картошкой. Зима сделал два быстрых скользящих шага следом и, присев на одно колено, нанес очередной удар, добивающий, основанием открытой ладони в голову.

Шагов сзади он не слышал. Просто чья-то обутая в кроссовку нога очень больно приложилась к уху Виктора. В голове зазвенело, но Зима встал и даже попытался развернуться в сторону нового противника, вот только не смог — нарвался на встречный удар кулаком в лицо.

Лопнула губа, рот сразу же наполнился кровью... В глазах замелькали разноцветные геометрические фи-

гуры. А все тот же невидимый противник повис сзади на плечах, сковывая своим телом руки Зимы и неумело, но сильно колотя его по голове.

Возможно, Зима был обречен на поражение. Он уже почти терял сознание... Но, ощутив солоноватый вкус собственной крови, Виктор вдруг взбесился еще больше. И откуда только силы взялись!

— А-а-а! — страшно зарычал Зима, разбрызгивая кровавые капли по сторонам.

Одним движением смахнул с себя напавшего сзади, тут же ударил наотмашь локтем и головой назад, не видя, куда и в кого точно бьет. Но вроде попал — за спиной послышался хруст и кто-то тоненько взвизгнул. Еще раз ударив локтем, Зима все же сумел развернуться.

Нападавших — надо понимать, друзей и земляков Мамеда — было человек пять или шесть. Точнее не определить — крутятся, дергаются, мельтешат чернотой в глазах. Один, зажимая окровавленными ладонями лицо — наверное, именно ему и досталось в красивый орлиный нос головой, — полусогнувшись стоял прямо перед Зимой, на «ударном» расстоянии. И Виктор не раздумывал — от души врезал ему ногой в голову.

Без стопа и крика азер отлетел в сторону и замер под прилавком. А Зима уже прыгнул вперед, целя кулаком в чью-то черноусую рожу:

— Н-на!

Рожа, продемонстрировав завидную прыть, откачнулась, и удар не достиг цели. Зато боковым зрением Зима схватил блеск лезвия ножа в руке одного из нападавших.

А вот это серьезно! Шагнул назад и в сторону, уходя от подлого удара ножом в спину, Виктор натолкнулся на все тот же столик-прилавок.

— Значит, ножики?! — сам у себя спросил Зима. — Значит, по-честному драться не хотим?!

Вцепившись пальцами в доски прилавка, он резко рванул их вверх. Запрыгали по асфальту бананы и яблоки, зазвенели гири и отложенная на сдачу мелочь, брызнули разлетающимися осколками стекла весы.

— А-ах! — Одним коротким движением Зима оторвал ножку, сделанную из хорошего, крепкого на вид деревянного бруска.

— Н-на! — Смачно чавкнув, брусок острой гранью разорвал щеку ближайшему из нападавших.

— Н-на! — звякнул упавший нож, а запястье секунду назад сжимавшей его руки вдруг вывернулось под неестественным углом и окрасилось алым цветом.

— Н-на! — И такой крепкий брусок, как спичка, переломился пополам на чьей-то спине. Отшвырнув обломок в сторону, Зима заорал: — А-ах! Зашибу, убогие!

Сбоку мелькнуло что-то черное. Уже уходя, подныривая под удар, Зима понял — милицейская дубинка! Но остановиться не мог — слишком силен был запал. Руки захватили плотную ткань куртки, легко оторвали ее владельца от земли и швырнули в оживившихся азеров.

Тряхнув головой, Зима постарался избавиться от навалившегося на него, застилавшего глаза кроваво-красного морока. Как бы сквозь туман увидел брошенного им на землю парня. Тот медленно поднимался, на лице его при этом играла злобная хищная улыбочка. А пальцы уверенно сжимали рукоять милицейской резиновой дубинки, больше известной в народе как «демократизатор». Но самое плохое было не это...

Паренок был курнос и русоголов. А на черной униформе, в которую он был облачен, на груди, красовалась желтая надпись: «Охрана».

«Попал!» — подумал Виктор. Он перегнул палку... Устроил свару на чужой территории, сцепился с чужими людьми... Но только сдаваться он не собирался. Сей-

час, в порыве ярости, он готов был драться в одиночку против всего рынка. Да что там рынок! Против всего мира!

Но драться не пришлось.

— Остынь, Гарик! — Уже поднятую в замахе руку с дубинкой кто-то перехватил в воздухе. — Это же Зима! Витек, брателло, здорово!

— Подожди... — Еще раз тряхнув головой, Зима сумел опознать говорившего. — Соболь... А ты тут какими судьбами?

С Володей Соболевым они одно время тренировались вместе у одного тренера и даже выступали в качестве спарринг-партнеров.

— Работаю я здесь. В охране. У Натика. — Соболь развернулся к замершим в стороне азербайджанцам, «пострадавшей стороне». Деловито спросил: — Что тут произошло?

Торговцы зашевелились, загалдели, замахали руками. Двое подвели «потерпевшего» Мамеда. Толстяк кое-как переставлял ноги, лицо его было разбито, левый глаз, возле которого красовался глубокий порез, потихоньку заплывал. Он громко, на публику, стонал и выглядел таким несчастным, таким жалким....

Почему-то эта картина опять взбесила Виктора. Он оглянулся вокруг.

— Ща! — пробормотал он себе под нос. — Ща!

Вообще-то обстановка впечатляла. У человека непосвященного могло бы сложиться мнение, что по рынку или, по крайней мере, по этой его части был нанесен артиллерийский удар. Разбросанные, перевернутые прилавки, между которыми в живописном беспорядке валялись раздавленные бананы и помидоры, катались румяные яблоки и оранжевые апельсины, поломанные огурцы. Завершенность натюрморту придавал тонкий слой

луковой шелухи и зелени из разорванных пучков петрушки и укропа.

Правда, Зима этим зрелищем впечатлен не был. Он поднял свою борсетку, небрежно смахнул прилипший к коже кусок раздавленного банана. Доставая сотовый телефон, еще раз оглянулся на изливающих душу охране торгашей:

— Ща, грачи херовы! — Телефон не включался — наверное, кто-то в пылу драки поддел борсетку ногой и сдвинул в гнезде sim-карту. Но Виктор настойчиво пытался реанимировать мобильник. — Ща пацаны подъедут!.. Всем вам тут звиздец будет!

И хотя говорилось это не для широкого круга публики, а в большей степени для себя, Соболев каким-то чудом услышал. Коротким повелительным жестом остановив многословные и красочные жалобы кавказцев, он шагнул к Зиме:

— А вот этого не надо!

— Чего не надо?! — набычился Виктор.

— Да ничего. Звонить не надо. Пацанов не надо. Разборок здесь не надо.

— Да этот муфлон!.. — Зима кивнул в сторону «потерпевшего» Мамеда. — Вообще базар не фильтрует! Ты бы сам слышал, какую хрень он тут нес! За такое спросить положено!

— Ты уже спросил, — сейчас Соболев говорил более жестким тоном. — Ударил — спросил. И какие у тебя еще проблемы?

— Я что, похож на человека, у которого могут быть проблемы?! — Вообще-то Виктор и сам понимал, что сейчас он не прав. Но остановиться не мог — еще не отошел от азарта схватки, несся по сосудам адреналин, в нем все еще кипела злость и он готов был кинуться на

первого встречного. — Это вон у них — проблемы! У-у-у, твари!

Он чуть дернулся, даже скорее просто обозначил рывок в сторону торговцев. Но те пуливно шарахнулись в сторону. Один даже поскользнулся и упал. Ну его, этого здорovenного сумасшедшего!

— Завязывай, Витек! — Соболь ухватил приятеля за плечо. — Кончай цирк устраивать!

— Руки убрал! — Зима резким движением стряхнул ладонь Соболя.

Теперь они оказались лицом друг к другу. Какое-то время играли в гляделки, фехтовали взглядами. И ни один из них не собирался отступить. Как бы невзначай сзади к Соболю начали подтягиваться сопровождающие его охранники.

— Я не понял... — мрачно проскрежетал зубами Зима. — Ты меня че, типа разводишь?

— Нет, — ответил Соболь. — Просто я хочу, чтобы все тут было нормально. Ты с черного за гнилой базар спросил. Но эта территория — Натика. И люди его. Значит, все вопросы с ним решать надо. Ты ведь не хуже меня это знаешь.

И как бы внутренне ни противился словам Соболя Зима, как бы ни требовало отмщения оскорбленное самолюбие, не признать правоту приятеля он просто не мог.

— Ладно... — Отвернувшись, Зима со злостью бросил мертвую мобилу в борсетку. — Все, завязываем разговор.

Развернувшись, он уже направился к выходу с рынка, но только его остановил оклик Соболя:

— Витек!

Зима, остановившись, медленно развернулся. Старый приятель улыбался, но, вопреки ожиданиям, улыбка

ка не была ни торжествующей, ни злорадной. Только доброжелательной.

— Ты сейчас на вампира похож, — продолжил Сობоль. — Всю майку кровью уделал!

Виктор опустил глаза. Действительно, еще недавно белоснежная футболка была почти до самого пояса залита кровью. Да уж... Вроде бы что такого — рассеченная губа? А натекло как с кабана.

— А и хрен с ней! — бросил Зима и одним коротким движением сорвал с себя футболку, обнажив мускулистый торс. Скомкав, отшвырнул ее в сторону и, больше не оглядываясь, двинулся к своему автомобилю.

Глава 2

1

Так отвратительно, как этим утром, Зима давненько себя не чувствовал. Голова гудела — все же тот козел настучал по затылку от души. Постарался, тварь. А тут еще Ленка... Почему-то верная подруга не оценила по достоинству Витькин «подвиг».

Покинув рынок, Зима не стал ждать девушку. Не хотелось мозолить глаза всей этой рыночной шушере своим разбитым фейсом. Слава богу, подруга не маленькая, сама дорогу найдет. А ключи от Ленкиной однокомнатной у него были уже довольно давно, месяца два. Одним прекрасным весенним утром, когда Зиме, расслабленному и разнеженному жаркой ночью в объятиях любимой женщины, так не хотелось покидать смятую постель, собиравшаяся на рынок подруга на секунду отложила фен и сказала:

— Оставайся. Ключи — на столе. Полукруглый — от верхнего замка. Плоский — от нижнего.

— Тебе их что, потом завезти? — безразличным тоном поинтересовался Зима.

— Зачем? — удивилась Ленка. — У меня есть. А эти ты себе оставь.

И умчалась. Вроде бы ничего особенного не случилось. А оставшийся в одиночестве Зима спрыгнул с дивана, сделал стойку на руках, перекатился через спину и нанес несколько мощных ударов воображаемому противнику. Какой там сон! От недавнего дремотного состояния и следа не осталось. Энергия просто бурлила в сильном тренированном теле, требуя выхода. В эту минуту ему казалось, что он по-настоящему счастлив.

Ленка ему очень нравилась. Она была веселой и жизнерадостной, обладала симпатичной мордашкой и прекрасной фигурой. Да и в постели... Скучно с ней не было. И только с ней он мог позволить себе быть не отчаянным и крутым до безобразия Витьком Зимой, а обычным, нормальным парнем, добродушным и ласковым. Короче, Ленка его устраивала во всем. Может, он ее даже любил... Хотя что такое любовь, представлял себе весьма смутно. Кажется, влюбленные дарят цветы и поют серенады. А еще они страдают...

Страдать Виктор не хотел, петь не умел, а что касается цветов... Откровенно говоря, покупать цветы он просто стеснялся. Да не дай бог братва увидит! Засмеет!

Зато он всегда появлялся в квартире девушки с несколькими пакетами продуктов из лучших супермаркетов города. Да и про сынишку ее четырехлетнего никогда не забывал, баловал: приносил конфеты, шоколад, игрушки!

Иногда, когда подруге удавалось на вечер подкинуть ребенка бабушке, а сам он был свободен, выходил с ней «в люди». Ну, там в кабак куда или в кино. Просто по го-

роду погулять, мороженого поесть. Короче, все как у людей.

Правда, Ленка, до поры до времени охотно пуская Зиму под свое одеяло, категорически не желала впускать его в свою жизнь. Между ними был только секс. То есть ничего серьезного, по мнению Зимы. Может, Ленка просто не верила мужикам после первого недолговечного и неудачного брака. А может, ее смущала профессия Виктора. Что тут ни говори, но бандит — это не только престижно и денежно. Это еще и опасно. В городе имели место прецеденты, когда серьезных пацанов валили вместе с семьями. Подруга имела все основания для опасений.

Так что у Зимы был повод для радости. Этот Ленкин жест с ключами он воспринял как своего рода признание. С того дня он фактически перебрался жить к ней и на полном серьезе называл ее своей женой. Ну и что с того, что в паспорте нет штампа и никто не напился на халяву под вопли: «Горько»?! В конце концов, штамп — это ведь не главное в отношениях мужчины и женщины. А свадьба...

Зима не стремился афишировать свои отношения с Ленкой. Тем более перед братвой. Бандитская фортуна изменчива... Сегодня она тебе улыбается радостно, а завтра повернется задом — и привет. А ты, имея рядом с собой кого-то близкого тебе, становишься слабее, уязвимее... Тобой, твоими поступками можно манипулировать, управлять.

Да и за Ленку опасался. Именно поэтому бросил все дела и помчался на разборку, как только она позвонила и, всхлипывая, рассказала, что на нее наезжает хозяин, требуя немедленного погашения какого-то вдруг образовавшегося долга. М-да... И разборка, надо сказать, получилась еще та...

Но Ленка-то, Ленка! Девушка вернулась домой непривычно рано — часа через два после того, как произошла эта дурацкая драка с жирным Мамедом. Поджав губы, молча прошла мимо сидящего в кресле Зимы. Даже головы не повернула, вроде как и нет его здесь. Легла на диван лицом к стене, подтянула колени к груди и замерла в такой позе.

Виктор какое-то время сидел молча. Думал. Все же он чувствовал за собой вину. Не сдержался, сорвался, накуролесил... Но это ведь ради нее, ради Ленки! Зря она обижается. Просто надо попробовать все ей объяснить по-человечески. Она же неглупая девка, поймет!

Тяжело вздохнув — не любил он такие вот неизбежные моменты семейной жизни, — Зима выбрался из кресла, мягко ступая, подошел к дивану. Присел рядом на корточки, осторожно положил широкую ладонь на тугое и горячее, обтянутое синей джинсой бедро девушки.

— Лена... Слышь, Лен...

Девушка даже не пошевелилась.

— Лена... — Зима осторожно пробежался пальцами по ткани и легонечко толкнул подругу. — Лен, ну чего ты, в самом деле...

— Отвали! — не поворачиваясь, глухо, но с явной угрозой в голосе сказала девушка.

— Да брось ты! — Зима, обрадованный тем, что подруга хоть как-то отреагировала, слегка встряхнул ее. — Ничего страшного...

Закончить фразу он не успел. Цвырк! И такая мягкая и нежная в определенных обстоятельствах женская ладошка с силой отбросила его руку, срывая острыми ноготками полоски кожи с запястья.

— Ничего страшного?! — Лена резко развернулась и села на диване. — Значит, ничего страшного, говоришь?!